

используя труд около 50 000 заключенных. Оба лагеря имели в своем запасе не только конный и автомобильный парки, но и самолеты, катера, пароходы, паровозы. В их рамках были созданы более 100 лагерных подразделений, десятки из которых превратились в самостоятельные лагеря.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.853. Л.43.

² Там же. Л.43.

³ Там же. Д.1927. Л.7.

⁴ Там же. Д.2784. Л.43.

⁵ Там же. Л.43.

⁶ Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг. Дисс. ... д.и.и Екатеринбург, 1996. С.263.

⁷ Подсчитано по: ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1172. Л.7.

⁸ Подсчитано по: ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1172. Л.3, 5, 9.

⁹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.37. Д.105. Л.3606.

¹⁰ ГАРФ. Ф.9414. Д.68. Л.27.

*М.В. Пащина
(Екатеринбург)*

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ № 1

Открытие архивов и расширение проблематики исследований позволяет находить новые факты истории. В историографии появляются исследования тоталитарного строя в целом — Х. Арендт, А.В. Бакунин, и работы, посвященные анализу пенитенциарной системы Советского государства — В.М. Кириллов, А.С. Смыкалин и др. Исследования носят обобщающий характер и чаще всего внимание акцентируется на пике сталинских репрессий — 30–50-е гг. XX в.

В начале 20-х гг. система мест заключения в Советском государстве была построена на основе царского наследия, использовались старые помещения и надзирательский корпус. После захвата политической власти большевикам необходимо было ее удержать, для чего в стране был введен красный террор и предприняты первые шаги по устройству системы мест отбывания наказания. Но этот процесс осложнялся условиями Гражданской войны. Основным принципом пенитенциарной системы было применение труда как исправительного начала в перевоспитании осужденных. В связи с этим создавались первые исправительно-трудовые учреждения. Вслед за ними в сентябре 1918 г. был принят декрет о создании концентрационных лагерей, в которых так же предполагалось использовать труд осужденных.

В фондах Государственного архива Свердловской области хранятся дела Екатеринбургского губернского концентрационного лагеря № 1. Они датируются 1920–1923 гг., однако о существовании лагеря известно очень мало. По докладам и запискам работников лагеря и заведующего Губернского подотдела принудительных работ, в чьем ведении находился лагерь, можно предположить, каким был лагерь в первые месяцы своего существования — с июля по декабрь 1920 г.

В докладе о работе Губернского подотдела принудительных работ с 1 марта по 28 июля 1920 г. в Губернский отдел Управления заведующий Губернским подотделом принудительных работ сообщает, что «концентрационный лагерь при подотделе организован на 5000 человек и с 19 июля сего года туда начали поступать осужденные на принудительные работы с содержанием под стражей». По мнению заведующего подотдела поздние сроки открытия лагеря в июле 1920 г. объясняется тем, что город не давал подходящей территории, а так же отсутствием конвоя. Кроме того, требовалось подыскать зимнее помещение под лагерь, так как «настоящее устраивалось для лета».

О непригодности лагеря в зимнее время свидетельствует и протокол комиссии, проводившей осмотр лагеря 7 октября 1920 г. В нем дано подробное описание как внешнего, так и санитарного состояния лагеря. Там же указывалось место, где располагался лагерь: «Лагерь расположен за станцией Екатеринбург I на бывшем (кирпичном) заводе Николаева, так называемом заводе кирпичных сараев». К этому моменту в лагере находилось уже более 500 осужденных за «контрреволюцию и другие аналогичные преступления» и 502 военнопленных поляка.

Заключенные содержались в кирпичных сараях, которые в ширину были равны 5–6 сажням, а в длину тянулись на несколько десятков сажень. Внутри сараи делились деревянными перегородками на несколько отделений. Крыши были железными в два ската, снаружи сарай до некоторой высоты засыпаны глиной. Комиссией были осмотрены два сарая, в одном из них шел ремонт. Первый барак отапливался несколькими железными печами, в первой половине были нары, расположенные в четыре ряда — «два ряда вдоль стенок и два ряда посередине» — в по-

мещении полумрак, пол глинистый. Во второй половине, где размещались военнопленные поляки, не было ни печей, ни нар. Отмечена грязь внутри сарая — «общее содержание и вид... грязный; одежда, белье, постельные принадлежности грязные». Ввиду отсутствия печей во второй половине люди вынуждены греться около костров, сооружаемых на полу. Второй барак подготавливали к зиме — «изнутри стенки обшиваются досками при засыпке межстенного пространства землей; нары устраиваются также в четыре ряда, пол между ними (в проходах) устилается кровельными досками; устанавливаются железные печи». В отремонтированной части было выделено помещение для женщин, караула и мастерские.

Обед и ужин для заключенных готовился из одного блюда, порция хлеба составляла $\frac{3}{4}$ фунта (300 гр.). Порция работающих заключенных была повышенной. Следует отметить, что 13 ноября 1920 г. заведующий Губернским подотделом принудительных работ А.М. Зверев в докладе в Президиум Екатеринбургского Губисполкома говорит о том, что порция работающего в момент составления протокола составляла $1\frac{1}{2}$ фунта хлеба (600 гр.) в день, но уже в первой половине ноября этот паек был снижен до 1 фунта хлеба в день для всех категорий осужденных (400 гр.). А.М. Зверев указывает на то, что комиссия признала необходимым усилить питание и просит Губисполком немедленно принять меры по снабжению мест заключения продуктами продовольствия. Подобные требования А.М. Зверев выдвигал и в части снабжения концентрационного лагеря одеждой, обувью и постельными принадлежностями, акцентируя на то, что ввиду их отсутствия у заключенных «администрация лагеря лишена возможности посылать их на работы, что она обязана делать немедленно, согласно пункту 31 Постановления ВЦИК о лагерях принудительных работ». При лагере так же была небольшая баня, «в которой за раз могут мыться 4–5 человек, ввиду чего баня очень редка и не все (военнопленные) могут ее посетить за отсутствием обуви и чистого белья». В документах отмечается высокая заболеваемость заключенных острыми кишечными заболеваниями и лихорадкой.

Документы позволяют проследить численность заключенных лагеря в период с октября по декабрь 1920 г. По сведениям комиссии на 7 октября численность заключенных составляла 1002 человека, по данным доклада А.М. Зверева от 4 ноября 1920 г. — 2500 человек, а в докладе заведующего отдела Управления губернией от 8 декабря указана численность заключенных — 770 человек. За месяц численность заключенных сократилась в 3 раза. В докладе «о жизни Екатеринбургского концентрационного лагеря № 1» от 25 января 1921 г. указывается число осужденных на 30 декабря 1920 г. — 359 человек, из них работало в учреждениях с жильем при лагере — 102 человека, с жильем при учреждениях — 166 человек.

В лагере среди заключенных велась культурно-просветительская работа. В ноябре 1920 г. была организована библиотека с фондом в 1,5 тысячи книг, но в докладе о культурно-просветительской работе отмечено, что большинство осужденных составляли «несознательные» малограмотные крестьяне и рабочие, хотя образованных читателей насчитывалось 300 человек. Работали школы грамотности — по 6 часов в день, их посещение было в обязательном порядке, действовала система поощрения (снижение срока, свидания с родными, красная доска); школы для малограмотных I ступени (с преподаванием основ физики, математики и т.д.); школы для малограмотных II ступени; велась внешкольная работа второго ряда (систематические лекции по сельскому хозяйству, скотоводству и проч.). Так же велась и политическая работа.

В фонде Екатеринбургского губернского управления местами заключения хранится дело о деятельности Екатеринбургского концентрационного лагеря № 1, содержащее рукописную схему лагеря, составленную в январе 1921 г. Тогда лагерь располагался за чертой города и находился к северу от станции Екатеринбург I, между речкой (р. Основинка — на плане не обозначена) и Верхотурским трактом. В записке в Президиум Губернского исполкома, датируемой 05.11.1920 г., говорится о том, что «земельный участок для постройки концентрационного лагеря отведен и к Губернскому Подотделу принудительных работ актом комиссии прикреплен; участок расположен между городом и Верх-Исетским заводом, имеет форму ромба, с северной стороны прилегает к исподному², южная сторона выходит к спичечной фабрике, западная к Верх-Исетскому и восточная к исправному № 1, длина южной и северной стороны равна 82,5 сажень, западной и восточной равна 95,8 сажень, всего в участке 8903,5 квадратных сажень, восточный угол не выходит до дороги (Красноуфимский тракт) 15 сажень».

При сопоставлении плана лагеря с картами города 1918 г., 1930 г. и современной картой удалось установить, что лагерь находился к северу от железнодорожных путей, между современ-

ным проспектом Космонавтов и улицей Кислородной. Указанная на плане речка (речка Основинская) сегодня протекает в трубе, проложенной под улицами Кислородная и Основинская. В настоящее время на этой территории расположены Северное трамвайное депо и АООТ «Екатеринбургское такси».

Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1 был одним из первых опытов молодого государства в налаживании аппарата карательной системы, строительства собственно советских мест заключения. В этом смысле лагерь еще не имел жесткой дисциплины, достаточного количества конвоя, чтобы водить заключенных на работы, более того, осужденные имели возможность жить при учреждениях, где они работали. Техническое состояние, условия содержания заключенных, необустроенность быта, наличие библиотеки и школ, гуманное отношение к заключенным — факторы, свидетельствующие о том, что лагерная система только зарождалась. В 1930-е гг. из подобных лагерей вышел «архипелаг ГУЛАГ».

Примечания

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф-р-8. Оп. 1. Д 115. Л 108 — «ипподром», Л 116 — «исподром» печатными буквами.

*М.В. Пащина
(Екатеринбург)*

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В СССР В 1920-е гг. (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

За последнее десятилетие опубликовано большое количество литературы, посвященной проблемам политических репрессий в СССР и становления тоталитарного государства в нашей стране. В основном исследователи обращаются к периоду 1930–1940-х гг., когда пенитенциарная система была уже сформирована. Однако не меньший интерес представляет этап ее зарождения. Его оценка позволит понять и проследить основные принципы карательной системы нового государства и определить его главные функции.

Работы, в которых были сделаны попытки осмысления произошедших перемен, стали появляться с 1918 г. Это исследования Н.А. Бердяева, который первым обратил внимание на авторитарность установившегося строя. Причины распространения социалистических идей рассматривал С.А. Франк. С.П. Мельгунов в своей работе «Красный террор» исследовал массовое насилие и произвольный полицейский террор в первые годы Советской власти. 1930–1940-е гг. — это время развития зарубежной историографии, куда можно отнести и русскую эмиграцию. В работах Л. Фон Мизеса, Х. Ортега-и-Гассета, Дж. Оруэлла заложены основы теории тоталитаризма, рассмотрены причины его возникновения и закономерности. До середины 1980-х гг. в западной историографии продолжается изучение отдельных структурных особенностей тоталитарного строя это работы Х. Арендт, Р. Конквеста и многих других. В России эти труды были опубликованы в 1990-е гг.

С 1991 г. стало возможным привлечение новых источников, недоступных ранее. На их основании были сделаны многие исследования, но они в основном построены на изучении отдельных частей тоталитарной машины — К.М. Александров, В.С. Измозик, А.С. Смыкалин; отдельных регионов — Р.С. Бекметов, В.М. Кириллов, В.Н. Комиссаров и другие. Можно отметить работу В.М. Кириллова «Законодательное обеспечение репрессивной политики советского государства», в которой сделана попытка сбора законодательных актов, на основе которых был сформирован пенитенциарный аппарат в СССР. А.С. Смыкалин анализирует систему тюрем и колоний в ее развитии до 1950-х гг.

Особое место занимают работы по исправительно-трудовому праву. Изначально в основу пенитенциарной политики Советского государства был положен исправительно-трудовой принцип, что определило круг проблем Советской науки. В середине 1920-х гг. появляются работы М.М. Исаева, М.И. Калинина, Ф.Э. Дзержинского, Н.В. Крыленко, П.И. Стучка. Истории мест заключения посвящена работа М.Н. Гернета. К концу 1930-х гг. исследования в этой области начинают носить закрытый характер. Такая ситуация сохранялась до 1957 г. Со второй половины 1950-х гг. начинается преподавание исправительно-трудового права и издание учебников.

Кроме того, выходят историко-юридические исследования, анализирующие законодательное обеспечение репрессий — М.Г. Детков, М.В. Кириллов, Н.Ф. Кузнецова, С.И. Кузьмин, В.П. Портнов, М.С. Гринберг, Н.И. Чудин и др.